

хотя занятия лексикографией уходят в глубину веков. Так, истоки английской лексикографической практики восходят к периоду после принятия в Англии христианства (597 г.) и тесно связаны с изучением латыни. Специальный раздел этой главы Л. П. Ступина посвящает истории создания Большого Оксфордского словаря, ознаменовавшего собой крупный шаг в развитии английской одноязычной лексикографии.

Начало американской лексикографии относится к 1798 г., когда был выпущен первый словарь для начальной школы — «Школьный словарь». Его автором, по напизу истории, замечает Л. П. Ступина, был однофамилец английского лексикографа — американец Самюэль Джонсон младший. Словарь представлял собой посредственную компиляцию английских толковых словарей. В начале XIX в. в США появилось еще несколько словарей (словари Уодбриджа, Приста и др.), однако качественным этапом в словарном деле США следует назвать словарь Уэбстера, и прежде всего его «Американский словарь английского языка» (1828 г.). Л. П. Ступина далее излагает не только историю создания и переработки уэбстерских словарей, но и развитие американской лексикографии на протяжении XIX — нач. XX в. Специальные главы (VI—VII, с. 98—135) отведены анализу основных толковых и учебных словарей английского языка, изданных в Великобритании и США.

После подробного анализа различных типов словарей английского языка и процесса развития национальных (британской и американской) лексикографии Л. П. Ступина обращается (в гл. VIII, с. 136—146) к рассмотрению актуальных проблем теории англоязычной лексикографии. Конечно, эти проблемы весьма универсальны, т. к. о них же приходится говорить, когда имеем дело с разработкой словаря любого другого языка, — это, прежде всего, проблема словника

и проблема нормативности. Важно здесь то, что Л. П. Ступина, рассматривая в качестве исходных факты английского языка, при их оценке опирается на опыт других языков, в частности русского.

В заключительной части (гл. IX, с. 146—154) автор останавливается на истории разработки англо-русских словарей в нашей стране, отмечая, в частности, первый такой словарь, изданный в 1772 г., и новейший «Большой англо-русский словарь» под общим руководством И. Р. Гальперина (1972 г.). В конце книги, кроме примечаний к отдельным ее главам и списка рекомендуемой литературы, приводится алфавитный индекс основных упомянутых словарей английского языка, названия которых даются в сокращенном виде.

К бесспорным достоинствам рецензируемой книги Л. П. Ступина относятся также и то, что она написана живо и увлекательно, содержит много интересных наблюдений, оценок и выводов, способствующих лучшему пониманию рассматриваемой проблематики.

К сожалению, за пределами интересов автора оказались такие вопросы, как развитие других, помимо британской и американской, англоязычных национальных лексикографий, в частности, австралийской, которая располагает не только общим (толковым) словарем английского языка с учетом австралийских национальных языковых элементов, но и такими справочниками, как словарь австралийского сленга и др. Л. П. Ступина ничего не говорит также о стилистических словарях английского языка, о толковых словарях в картинках, о словаре-энциклопедии грамматического строя языка.

В заключение представляется важным подчеркнуть, что опубликованием книги Л. П. Ступина издательство «Высшая школа» проявило ценное начинание. Вслед за ней, как можно надеяться, появятся аналогичные труды на материале других языков.

Домашнев А. И.

Юдакин А. И. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. — М.: Наука. 1984. 168 с.

Проблема исторического развития структуры предложения, как и структура языка в целом, является одной из центральных в теоретическом языкознании. Поскольку предложение воспроизводит определенную единицу мыслительного процесса (суждение в широком смысле), эволюция его структуры неразрывно связана с развитием структуры выражаемой мысли.

Рецензируемая монография А. П. Юдакина, в которой освещается исторический процесс перехода пассивной конструкции предложения, объединяющей имя в инструментальном падеже и причастие совершенного вида, в активную (эргативную) конструкцию, представляет бесспорную ценность как для науки о языке, так и для истории человеческой мысли.

Разумеется, выводы автора распространяются лишь на языки, обладающие категорией падежа и содержащие в своей падежной системе инструментальный (или сходный с ним) и эргативный падежи. Значимость рецензируемой работы возрастает в связи с тем, что в ней на примере становления одной синтаксической конструкции хорошо раскрываются взаимодействие двух уровней суждения как формы мысли (субъектно-предикатной структуры суждения и его структуры как пропозициональной функции) с синтаксическим уровнем в предложении и их роль в формировании структуры простого распространенного предложения.

Поддержки заслуживают исходные теоретические установки автора, составляющие основу для дальнейшего анализа

фактов языка и мышления в их историческом развитии. Автор справедливо указывает, что структурная организация языка не исключает, а, напротив, предполагает его развитие. Он обоснованно выделяет два фактора развития языка — внешний (экстралингвистический, общественный) и внутриязыковой (внутриструктурный) и вслед за В. З. Папиловым акцентирует их взаимозависимость и взаимодействие. При этом отмечается непосредственное влияние экстралингвистического фактора на процессы дифференциации и интеграции языков, на характер и объем их социальных функций и лишь опосредованное воздействие этого фактора на внутриструктурное развитие языка (только через мышление). В связи со сказанным заслуживает внимания гипотетический вывод автора относительно роли внутриязыковых факторов в развитии языка: «... вероятно, есть основания считать, что внутренние закономерности, при ведущей роли законов мышления, определяют направленность языковых процессов, а социальные факторы, взаимодействуя с факторами внутриязыковыми, могут изменять скорость протекания языковых процессов и модифицировать их направленность» (с. 6).

Отстаивая идею непосредственной взаимосвязи языка и мышления, характеризует язык не только как средство общения, но и как орудие мышления и познания в целом, подчеркивая активность языка в освоении объективной действительности. А. П. Юдакин правомерно выступает против позитивистского преуменьшения (абсолютизации) роли языка в познавательной деятельности людей и в их общественной жизни. Явно усматривая в мыслительно-языковом единстве ведущую роль мысли, автор, однако, неправомерно квалифицирует язык как продукт человеческого ума (с. 8).

В соответствии с положением материалистической диалектики о всеобщем движении и развитии в природе и обществе категории мышления и категории языка рассматриваются в книге как исторически изменчивые, причем отмечается неравномерный характер их развития и формирования. Признание подвижности как мыслительных, так и языковых категорий и неравномерности процесса их изменения с логической необходимостью приводит к заключению о внутренней неоднородности, расчлененности категорий мышления, о существовании дискретного спектра этих категорий, а также о возможности несоответствия отдельных разрядов определенных языковых категорий каким-либо мыслительным фактам в пределах коррелятивных категорий мышления. Так, русск. *У меня есть книга* и франц. *J'ai un livre*, совпадая в выражении общей мыслительной категории (категории принадлежности — обладания), различаются в языковом способе ее осмысления. При рассмотрении подобных расхождений между языками следует учитывать существование в самом мышлении двух типов категорий — категорий, связанных с логическим строем мышления и поэтому общечеловеческих

по своей сущности, и категорий, обусловленных семантическими формами мышления, национальными по своему характеру [1]. Приведенные предложения на русском и французском языках равноценны со стороны воспроизводимой ими логической формы: оба предложения выражают суждение двучленное на уровне субъектно-предикатного членения и трехчленное на уровне его структуры как пропозициональной функции. Однако мысли, воссоздаваемые этими предложениями, характеризуются неодинаковыми семантическими формами: они различаются направленностью и содержанием отношения между понятиями, отражающими лицо и принадлежащий ему предмет. В русском предложении раскрывается отношение владения к ее обладателю, а именно наличие как принадлежности; во французском — обратное отношение (адапльда к книге), а именно обладание.

Ценны соображения автора об эволюционном методе, о диахронной лингвистической типологии (обоснование структурно-типологического сходства языков в диахронии, т. е. возможности структурного сходства языков, разделенных промежутком времени в несколько столетий или даже тысячелетий), об изменении семантики грамматических категорий как критерии развития языка. Вместе с тем утверждение о том, что факты из области лексики едва ли могут свидетельствовать об эволюции языка и степени его развитости, нуждается в определенном уточнении. Автор, безусловно, прав, считая, что увеличение словарного состава само по себе не приводит к качественному изменению языка, что Платон, Конфуций и Ньютон выражали мысли и чувства на своем языке не менее точно, чем А. Эйнштейн на своем. Но точность выражения мыслей и чувств, в свою очередь, не может быть критерием развитости языка, ибо она обусловлена соответствием его средств и возможностей уровню развития знаний, выражаемых с помощью данного языка. Разумеется, словарь языка Платона, Конфуция или Ньютона оказался бы недостаточным для раскрытия всех идей А. Эйнштейна: пришлось бы создавать новые лексические единицы и широко использовать комбинации существующих слов, т. е. прибегать к описательному способу выражения мыслей. Поскольку возникновение новых лексических единиц обычно сопряжено с появлением нового содержания в человеческих знаниях, постольку представляется целесообразным различать количественно-содержательный рост языка и его структурно-качественное развитие, связанное с преобразованиями в его грамматическом строе (значит, и в семантике его грамматических категорий), в структурных отношениях между компонентами его лексической системы.

Описание исторического развития структуры предложения в связи с развитием структуры мысли основывается в рецензируемой книге на анализе богатого языкового материала (санскрит, древние индоиранские языки, арабский и другие семитские языки, а также некоторые иберийско-кавказские и финно-угорские языки). Сам по себе анализ разнообраз-

ных фактов этих языков с последующим сопоставлением, истолкованием и обобщением представляется самостоятельно значимым в теоретическом отношении. В книге достаточно подробно описываются морфологические особенности глагола, значение и функционирование причастий прошедшего времени (*la*-причастий), прежде всего их использование в предикативной функции, и в связи с этим характер именного предложения и его соотношения с глагольным в различных языках. Серьезное внимание уделяется вопросу соотношения *la*-причастий с личными формами глагола, их втягиванию в глагольную парадигму, их употреблению в перфектном значении (образованию аналитического перфекта на базе системы причастий), функциям и значениям глагола-связки в именном предложении, его становлению и развитию. Достаточно убедительными оказываются доводы автора в пользу положения о том, что связка выступает как логическая и языковая универсалия.

Научный интерес представляют соображения о соотношении внутренней и внешней реконструкции, общих и частных законов, об объединении известных языков мира в единой системе, о дивных развитии языковых групп или семей, о совмещении или наложении этих линий, образующих объемную модель языка, в пределах которой один и тот же язык может оказаться по разным параметрам одновременно в нескольких точках, о большем структурно-типологическом сходстве языков в диахронии, чем в синхронии (у сопоставляемых языков структурные состояния, относящиеся к одному историческому периоду, часто оказываются менее сходными, чем структурные состояния, относящиеся к разным историческим периодам).

Центральное место среди всех языковых явлений, анализируемых в монографии, занимает, естественно, синтаксическая конструкция с именем в косвенном (чаще инструментальном) падеже и причастием совершенного вида (*la*-причастием), исторически трансформирующимся в фактивную (перфектную) форму глагола. Эта конструкция, как уже отмечалось, первоначально имела пассивное значение и исторически преобразовалась в активную структуру — в эргативную конструкцию предложения.

Процесс превращения пассивной структуры предложения в активную автор рассматривает в единстве с развитием структуры выражаемой мысли. При этом под развитием структуры мысли понимается не возникновение новых форм (новых видов структурной организации) суждения, а перестановка (взаимобмен структурными функциями) его компонентов. Речь идет о переходе понятия, играющего роль логического субъекта, в логический предикат, а предиката — в субъект на уровне субъектно-предикатного членения суждения; с другой стороны, понятие, выступающее в качестве референта (т. е. компонента структуры, от которого исходит отношение), преобразуется в релат (т. е. компонент структуры, в сторону которого направлено отношение), а релата — в референт на уровне структуры суждения

как пропозициональной функции. Первое преобразование обнаруживается с помощью порядка слов, логического ударения и других синтаксических средств, второе — благодаря изменениям в синтаксических отношениях между членами предложения.

На начальном этапе формирования эргативной конструкции определяющую роль, по утверждению А. П. Юдакина, играет преобразование в области субъектно-предикатной структуры, на завершающей стадии ведущим оказывается процесс, происходящий на уровне структуры суждения как пропозициональной функции. Изменение в субъектно-предикатном членении суждения, воспроизводимого пассивной конструкцией предложения, ведет к выделению субъекта действия, выраженного именем в косвенном падеже, в качестве логического предиката, что способствует его постепенному превращению в грамматическое подлежащее. В связи с этим подлежащее пассивной конструкции, отражающее прямой объект, преобразуется в грамматическое дополнение, а вся конструкция — в активную (эргативную). Окончательное закрепление субъекта действия пассивной конструкции за позицией грамматического подлежащего сопряжено с изменением в соотношении компонентов структуры суждения как пропозициональной функции — превращением субъекта действия из релата в референт, а объекта действия соответственно из референта в релат. При пассивной конструкции отражается отношение объекта действия к его субъекту — „дисциплинация“ (восприятие) объектом того действия, которое совершается субъектом. При активной (эргативной) конструкции отображается отношение субъекта действия к его объекту — совершение субъектом действия над объектом.

Переход пассивных структур в активные рассматривается не изолированно, а в единстве с целым рядом языковых явлений, связанных с ним, способствующих или препятствующих ему. Освещение этого процесса и выяснение его зависимости от логико-структурных преобразований — несомненная заслуга автора рецензируемой работы. Нельзя, однако, согласиться с утверждением, будто это процесс позволяет устранить расхождение между синтаксическим и логико-грамматическим членением предложения. Фиксирование субъекта действия пассивной конструкции в качестве логического предиката и его превращение в грамматическое подлежащее не устраняет расхождения между синтаксическим и логико-грамматическим членением предложения, а закрепляет его (подлежащее играет роль логико-грамматического предиката). Устраняется, же расхождение между синтаксическим и ситуационным членением предложения.

Было бы целесообразно добавить, что преобразование пассивной конструкции в эргативную связано с изменением семантической формы выражаемой мысли, причем с образованием новой семантической формы на основе тех параметров, которые касаются характера охвата отражаемого содержания и собственно отношений между компонентами мысли. При активной конструкции номинативного типа в отно-

шении между субъектом действия и действием не мыслится факт направленности действия на объект, при прагматической конструкции с идеей отношения между субъектом действия и действием (активного совершения действия субъектом) сливается идея направленности действия на объект [2].

В целом книга А. И. Кудкина представляет собой солидный научный труд, весьма ценный в теоретическом отношении, который может быть базой для дальнейших диахронно типологических ис-

следований языка, опирающихся на взаимосвязь структурных изменений в языке со структурными изменениями в мысли.

Чесноков П. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чесноков П. В. Логические и семантические формы мышления как значения грамматических форм. — ВЯ, 1984, № 5.
2. Раимов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 48.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.).— М.: Наука, 1984. 405 с.

Вышедшее в 1984 г. справочное пособие опирается на длительную историю подготовки рецензируемого научного издания. Еще в XIX в. предшественником названной книги был классический труд академика И. И. Срезневского «Древние памятники русского письма и языка» [1]. Впоследствии о необходимости подготовить Сводный каталог древних славяно-русских рукописей писали академики А. А. Шахматов, И. К. Никольский, В. Н. Перетц и другие ученые.

Инициатором настоящего издания был академик М. Н. Тихомиров, который взял на себя непосредственное руководство всей деятельностью, связанной с выявлением, описанием и изучением древних славянских рукописей. Он же, учитывая все ранее поступившие предложения, определил основные направления и этапы работы, создал единый формуляр (карточку) для первоначального описания рукописей. М. Н. Тихомиров отметил, что Советский Союз является «мировым сокровищницей письменности. По богатству и разнообразию памятников, хранящихся в СССР, наша страна стоит на одном из первых мест на земном шаре» [2].

Основная задача Сводного каталога — научная: выявить богатство рукописной книжности в архивах, библиотеках, музеях, способствовать их использованию и сохранению, обеспечить учет, бережение и изучение бесценных памятников культуры.

В отличие от названной книги И. И. Срезневского, в задачу Сводного каталога входит регистрация только древней книжности: как цельных книг, так и отдельных отрывков из них, включая не только случайно сохранившиеся листы, но и их обрывки, извлеченные из древних переплетов, и т. п. За пределами книги остаются актовый материал (различного рода грамоты и деловые документы), многочисленные надписи на древних предметах культуры (на камнях, михонах, металле, тканях и т. д.). Не включены в книгу, также такие ценные источники письма, как грамоты на бересте. Мы считаем это целесообразным, во-первых, из-за обилия книжных источников и, во-вторых, из-за специфики «вещной палеографии».

В рецензируемую книгу несмотря на хронологические рамки, обозначенные на титульном листе, вошли материалы XI—XIII/XIV вв. Это тоже вызвано чрезвычайным обилием памятников. В дальнейшем по той же методике намечено издавать Сводные каталоги славяно-русской книжности, датируемой XIV в. и, наконец (вероятно, для этого потребуется особый том), XV в.

Сводным каталогом охватываются книги, написанные только славянским алфавитом: кириллицей и глаголицей. Иноалфавитные материалы издаются и предполагаются к изданию в других сериях. В рецензируемый список включено описание 494 рукописных книг. Из них подавляющее большинство написано на пергаменте и лишь две, датируемые XIII в., — на бумаге или на бомбичине.

Славяно-русская серия «Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР» касается памятников, датируемых XI, XI/XII, XII, XII/XIII, XIII, XIII/XIV вв. Эти рукописные сокровища находятся в 23 хранилищах, причем основная масса — в главных библиотеках и архивах Москвы и Ленинграда: БАН (Библиотека Академии наук СССР, Ленинград), ГБЛ (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва), ГИМ (Государственный исторический музей, Москва), ГПБ (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград), ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов, Москва).

Работа по составлению книги и подготовке ее к изданию проводилась под общей эгидой Археографической комиссии Отделения истории АН СССР. Непосредственную научно-консультационную и редакционную работу по изданию книги проделали Л. П. Жуковская (Институт русского языка АН СССР), Н. Б. Тихомиров (Отдел рукописей ГБЛ) и Н. Б. Шеламанова (Археографическая комиссия АН СССР). Нельзя не отметить заслугу общего руководства изданием председателя Археографической комиссии АН СССР С. О. Шмидта.

На с. 6 приводится список авторов, участвовавших в подготовке этого изда-